

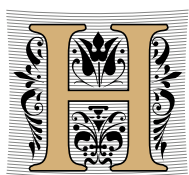

Исторический вестник. Сакральная география Ближнего Востока. 2024. Т. XLVIII.

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.48.011

В.В. Орлов

САКРАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО РЕГИОНАЛЬНЫХ УЧЕНЫХ ТРАДИЦИЙ: ОПЫТ МАГРИБА И САХЕЛЯ (XVI–XIX вв.)

а протяжении столетий жители исламизированной части Тропической Африки обращались в поисках знания к трем традиционным средоточиям исламской культуры и учености: Аравии, Египту и Магрибу. Образованные африканские мусульмане могли знакомиться с новейшими интеллектуальными достижениями единоверцев, прибывая в священные города ислама (*ал-харамайн*) — досточтимую Мекку и светозарную Медину, куда ежегодно отправлялись из разных регионов Африки паломнические караваны. Потребность североафриканских мусульман в религиозно-юридическом совершенствовании, освоении новых знаний и погружении в истинно исламскую культуру с успехом удовлетворяли и прославленные училища (*мадраса, медресе*) долины Нила. В течение веков они неизменно обладали в западных и центральных районах континента высокой репутацией и престижем. В особенности это относилось к Каиру и самому знаменитому в Африке мусульманскому университету, расположенному в соборной мечети египетской столицы, — ал-Азхару.

Но темнокожие мусульмане, проживавшие в присахарских территориях¹ и в Западной Африке, чаще всего рассматривали в качестве «интеллектуальной метрополии» не столько отдаленные от их родных мест Аравию или Египет, сколько расположенные сравнительно близко к ним города Магриба. На северо-западе Африки одновременно действовали мощные и в то же время разнонаправленные интеллектуальные влияния со стороны городских центров, воспроизводивших классическое исламское образование по средневековым моделям. Это были старинные «имперские города» (Фес и Марракеш), возводившие свои ученые и образовательные традиции к первым исламским династиям Северной Африки (VIII–X вв.). С ними соперничали основанные или возрожденные андалусскими эмигрантами XIII–XV вв. очаги культуры на побережье Атлантики (Танжер, Лараш, Рабат, Сале) и Средиземного моря (Сеута, Мелилья, Тетуан, Оран, Мостаганем, Алжир, Беджайя, Константина, Тунис, Триполи). Кроме того, привлекательными для искателей знания из Африки оставались суфийские обители (*завийи*) и многочисленные гробницы местных «святых» деятелей (*вали, мурабитов*), расположенные на южных окраинах Магриба — в долинах Суса, оазисах Туата, Гурары, Тафилалета, Тикидельта, Сиджилмасы и Сегиет ал-Хамра, а также на приатлантических равнинах Текны. Эти традиционные учебные и научные центры, возникшие при завийях крупных суфийских братств (*турук*), по профессиональному уровню своих преподавателей и набору образовательных функций не уступали знаменитым европейским монастырям Средневековья.

Феномен интеллектуального первенства магрибинской учености и популярность медресе Магриба среди религиозно образованных сахарцев не вызывают удивления. В Северной Африке еще со времен распада державы Альмохадов (XIII в.) успешно действовали крупные и влиятельные сети мистических братств и были сосредоточены престижные и известные образовательные учреждения. Успех Реконкисты и разгром католическими армиями последнего «оплота веры» в Испании — Гранадского эмирата (1492 г.) — сделал центральную и западную части Магриба, по уместному выражению Э. Геллнера, энтузиастически мусульманскими

¹ Широкая полоса саванн и полупустынь, окаймляющих Сахару с юга и протянувшаяся почти на 4 тыс. км с запада на восток, в арабской географической традиции собирательно называлась *ас-сахил*, Сахель (*араб.* побережье, пограничная территория) или *билад ас-судан* (*араб.* страна темнокожих). На территории сахаро-сахельской зоны располагаются (полностью или частично) современные государства Сенегал, Мавритания, Мали, Алжир, Буркина-Фасо, Нигер, Нигерия, Камерун, Чад, Судан, Южный Судан и Эритрея.

обществами². В результате как в Магрибе, так и в Испании на столетия вперед сформировались историко-культурные и психологические черты, присущие приграничной (фронтирной, лиминальной) среде³. Неудивительно, что религиозное рвение магрибинцев, вызванное изгнанием мавров и морисков из Испании и завершением Реконкисты, вспыхнуло с новой силой уже на волне сопротивления испано-португальской агрессии, которая развернулась в XV–XVI вв. на африканском берегу. Все попытки европейцев укрепить свои позиции в Северной Африке неизменно отторгались местными арабскими и берберскими племенами. Реконкиста и ее вековые последствия сделали страны Магриба мощным источником духовной и политической активности. Она была направлена как против претензий европейских захватчиков, так и против действенного подчинения Северной Африки власти султанов Османской империи.

Наиболее крупный и заметный своими достижениями региональный очаг суфийской традиции сложился на территории Среднего и Дальнего Магриба (современные Марокко и Алжир). Здесь учреждения, пестующие и распространяющие исламскую ученость, проявили себя в большей мере, чем в других территориях Северной Африки⁴. Предпринятые в XIX и начале XX в. полевые изыскания позволили французским ученым уверенно предположить, что Средний и Дальний Магриб уже в постальмохадскую эпоху (XIII–XIV вв.) превосходили в плане распространения духовной культуры смежные с ними сахельские и восточноафриканские регионы⁵. В итоге население этих территорий

² Gellner E. *Saints of the Atlas*. Chicago: University of Chicago Press, 1969. P. 297.

³ Для современных исследователей ислама понятие «культура фронта» характеризуется обостренным восприятием религиозных событий и символов со стороны населения; быстротой и действенностью его военно-политической мобилизации на борьбу с постоянно находящимся поблизости иноверным противником; массовым распространением чувства неустрашимой угрозы и психологического синдрома «осажденной крепости». — Bennison A.K. *Liminal States: Morocco and the Iberian Frontier between the Twelfth and Nineteenth Centuries* // *North Africa, Islam and the Mediterranean World: from the Almoravides to the Algerian War*. Ed. by J. Clancy-Smith. L.—Portland (OR): Frank Cass, 2001. P. 11–28.

⁴ Montet E. *Le culte des saints musulmans dans l'Afrique du Nord et plus spécialement au Maroc*. Genève: Librairie Georg & Cie, 1909. P. 7; Berque J. *L'intérieur du Maghreb, XVe–XIXe siècle*. P.: Gallimard, 1978. P. 425, 462.

⁵ Doutté E. *Notes sur l'islam maghrébin: les marabouts* // *Revue de l'histoire des religions*. 1899. Vol. 40. P. 350; Montet E. *Les confréries religieuses de l'islam marocain: leur rôle religieux, politique et social* // *Revue de l'histoire des religions*. 1902. Vol. 45. P. 3–4; Mouliéras A. *Le Maroc inconnu*. T. 2. Oran: Fouqué & Cie, 1899. P. 767; Cat E. *L'islamisme et les confréries religieuses au Maroc* // *Revue de deux mondes*. 1898. Vol. 149. 2-ème livraison. P. 388.

попало в орбиту духовного влияния магрибинских наставников. Это мнение разделяли и опытные колониальные администраторы, проводившие в Северной Африке десятилетия профессиональной карьеры. Так, Н. Лакруа и А. де ла Мартиньер, опубликовавшие собрание магрибинских исторических документов и колониальной статистики, справедливо заметили относительно влияния Марокко: «В такой стране, ... где очень распространены шерифы и марабуты, где бесчисленно количество завий ... религиозные братства должны были найти очень удобное поле для расширения своей деятельности»⁶.

Впрочем, данные о преобладании «алжиро-марокканского ядра» в распространении сакрального знания прослеживаются в текстах исторических источников лишь в пределах Магриба — от Атлантики до Киренаики. Рядом, на северо-востоке Африканского континента безраздельно царила сильная и самобытная египетская ветвь исламского мистицизма (*тасаввуфа*), а также ее многочисленные и порой самостоятельные суданские и аравийские варианты. Как показали изыскания, предпринятые С.А. Кириллиной, между двумя ареалами мистических традиций существовал сложный и динамичный набор взаимных культурных воздействий. «Тасаввуф, — отметила исследовательница, — причудливым образом переплетал судьбы Арабского Востока и Арабского Запада, когда рафинированные суфийские идеи, культивировавшиеся в азхарских кругах, привносились в магрибинское общество»⁷.

Действительно, шейхи-мистики, совершавшие паломничество из Марокко и Алжира, часто останавливались на подгода или год в Каире. В египетской столице они продолжали свое образование в многочисленных медресе, примыкавших к университету ал-Азхар, или совершенствовали технические приемы радений в местных суфийских обителях. Примером может служить биография известного в Магрибе мистика-интеллектуала — Ахмада ибн Мухаммада ат-Тиджани (1737–1815), основателя популярного в Северной и Центральной Африке братства Тиджанийя, известного в Египте и Судане под названием Хафनावийа⁸. Но в то

⁶ Lacroix N., La Martinière H., de. Documents pour servir à l'étude du Nord-Ouest africain. T. 3. Alger: Gouvernement général de l'Algérie, Service des affaires indigènes, 1897. P. 198.

⁷ Кириллина С.А. Османский Египет XVIII в. в системе религиозного знания арабомусульманского мира // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 1998. № 4. С. 56.

⁸ Махлуф Мухаммад ибн Мухаммад. Шаджарат ан-нур аз-закийя фи табакат аль-маликийя (Древо умственного света в поколениях маликитов) Т. 1. Бейрут: Дар ас-сакафа, 1930. С. 378; Abun-Nasr J.M. The Tijaniyya: a Sufi Order in the Modern

же время в деятельности исламской элиты Северной Африки наблюдались и обратные движения: местные вали и братства, авторитетные в Магрибе, постепенно расширяли зоны своего влияния на юг и восток. Их приверженцы и их понимание пути мистического единения с Аллахом «просачивались» в долину Нила, в ущелья Зеленых гор в Киренаике и в султанаты Судана, обогащая жизнь египтян, ливийцев и суданцев западноафриканскими стилями религиозно-мистической практики⁹.

В этой связи можно упомянуть уроженца Марокко Ахмада ал-Бадави (ум. в 1276 г.), который был прославлен в Египте как местный «святой», а его народное почитание на берегах Нила являет собой пример многовекового влияния и переработки достижений магрибинских ученых традиций¹⁰. Другое свидетельство контактов двух традиций дают биографии алжиро-тунисского суфия и законоведа Са'ида Каддуры (ум. в 1656 г.) и его ученика Мухаммада ибн Сулаймана ар-Рудани (ум. в 1683 г.). Эти ученые мужи, совершая мусульманское паломничество в середине XVII в., делали длительные остановки в Каире, Мекке и Медине. Они неоднократно давали публичные и приватные лекции, охотно делились своими познаниями с местными улама и суфийскими наставниками, а после чтения лекций выдавали своим слушателям соответствующие свидетельства (*иджазы*), сертифицировавшие дальнейшее распространение этих знаний на востоке Африки и в Аравии¹¹. Глубо-

World. Oxford: Oxford University Press, 1965. P. 17–20; O'Fahey R.S. Enigmatic Saint: Ahmad Ibn Idris and the Idrisi Tradition. Evanston (IL): Northwestern University Press, 1990. P. 46; *Ат-Тазу, Абд ал-Хади*. Джами' ал-Каравийин. Ал-Масджид ва-л-джами'а би мадинат Фас (Соборная мечеть ал-Каравийин. Мечеть и университет в городе Фес). Т. 3. Бейрут: Дар ал-фикр, 1972. С. 807.

⁹ В Новое время марокканские ученые труды, освещающие тонкости тасаввуфа, были знакомы египтянам. Еще в 20-х гг. XIX в. в Каире были изданы трактат уэззанского наставника Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Ахмада ар-Рахуни (ум. в 1815 г.) и сочинения Ахмада ат-Тиджани (1737–1815) о теоретических основах его мистического пути. — *Саркис, Йусуф Илийас*. Му'джам ал-матбу'ат ал-'арабийя ва-л-му'арраба (Словарь арабских и переводных печатных изданий). Т. 1. Каир: Ал-матба'а ал-'аббасийя, 1928. С. 650, 955. Ряд известных марокканских обитателей даже имел свои филиалы в Египте. К примеру, фесская завийа Сиди Мухаммада аль-Факиха в XVIII в. открыла «подворье» в Александрии.

¹⁰ Orlov V.V. Moroccan Ulema and Pilgrims in Cairo: An Aspect of Intellectual Exchange in the Arab-Ottoman World of the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // *The Arab Lands in the Ottoman Era. Essays in Honor of Prof. C. Farah*. Ed. by J. Hathaway. Minneapolis (MN): Center for Early Modern History, 2009. P. 179.

¹¹ *Ал-'Аййаши Абу Салим*. Ма' ал-мава'id. Рихлат аш-шайх Аби Салим ал-'Аййаши (Вода пиршества. Путешествие шейха Абу Салима ал-'Аййаши). Т. 2. Фес: [литографич. изд.], 1898. С. 32–34; *Ал-Кадир* Мухаммад ибн ат-Тайиб. Наshr ал-масани ли ахл ал-карн ал-хади 'ашар ва-с-сани (Опубликование двустийший о людях XI

кое осмысление местной интеллектуальной элитой заповедей магрибинских наставников возможно заметить и в истории восточной ветви магрибинской мистической традиции. Так, выдающийся шейх-реформатор Мухаммад ибн Али ас-Сануси (1787–1859) в 1821–1830 гг. обучался в фесском мусульманском университете ал-Каравийин, а основы мистического пути (*тасаввуф*) изучал у послушников шейха марокканского братства Хадирийа Абд ал-Ваххаба ат-Тази (ум. в 1798 г.)¹². Немалое влияние на эволюцию его мистических воззрений оказали труды другого марокканского мистика и самобытного религиозного философа — Ахмада ибн Идриса (1749–1837)¹³.

Другой пример такого рода прослеживается в деятельности адептов Тиджанийи в местностях к югу от Сахары и в нилотских районах Судана. Здесь экспансию магрибинских мистических доктрин возглавляли представители западноафриканских народностей — тукулеров и фульбе. Часть из них вошла в историю Северной и Западной Африки в качестве «борцов за веру», которых возглавил ал-Хаджж ‘Умар Тал‘а ибн Фути (1797–1864), или, как его называли последователи, «черный пророк». Он возводил свою цепь духовной преемственности (*силсила*) к лидерам-реформаторам могущественного имамата (*алмамиата*) Фута Торо (XVII–XVIII вв.), расположенного в долине р. Сенегал¹⁴. К суфиям-джихадистам относил себя и его младший товарищ Мухаммад ибн ал-Мухтар аш-Шинкити, известный под именем Вад ал-‘Алийа (ум. в 1882 г.). Сторонники и ученики ал-Хаджжа ‘Умара сыграли решающую роль в исламизации населения государств Каарта, Сегу, Текрур и Масина (современные территории Сенегала, Гвинеи и западных провинций Мали). Здесь тиджанитам удалось потеснить влияние Кадирийи и Шазилийи¹⁵.

Эмиссары шейхов Тиджанийи появлялись еще с 80-х гг. XVIII в. в северо-восточных землях Африки, продвигаясь на восток и юг с потоками мавританских, малийских, нигерийских, чадских паломников

и XII веков [хиджры])/ Публ. М. Хаджжи и А. ат-Тауфика. Т. 2. Рабат: Дар ал-Магриб ли-т-та‘лиф ва-т-тарджама ва-н-нашр, 1977. С. 82–83.

¹² Rinn L. Marabouts et khouan. Étude sur l’islam en Algérie. Alger: Adolphe Jourdan, 1884. P. 402–403.

¹³ Саватеев А.Д. Мусульманские духовные ордены в Тропической Африке. М.: XXI век–Согласие, 1999. С. 86–91; Voll J.O. Two Biographies of Ahmad ibn Idris al-Fasi (1760–1837) // International Journal of African Historical Studies. 1973. Vol. 6. № 4. P. 633–645.

¹⁴ Луконин Ю.В., Подгорнова Н.П. История Мавритании в Новое и Новейшее время. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 37–40.

¹⁵ Hiskett M. The Development of Islam in West Africa. L.–N.Y.: Longman, 1984. P. 231.

и переселенцев, занимавшихся торговлей или земледелием. В силу этого обстоятельства в Дарфуре, Кордофана и нилотских территориях Судана Тиджанийя к концу XIX в. воспринималась уже не столько как магрибинское, сколько как всеафриканское братство. Неудивительно, что для нилотов-мусульман в качестве глав обителей и проповедников Тиджанийи чаще всего выступали западноафриканские суфии, пришедшие на юг Судана из Сахеля. Но уже в западной части Аравии, расположенной вблизи Африки, влияние тиджанитского учения было невелико. Хотя в Мекке в конце XIX в. действовала завийа Тиджанийи, аравийское население воспринимало братство как африканское и его адептами чаще всего были темнокожие мигранты¹⁶.

Динамика географии «священного знания» в Магрибе и Сахеле XVI–XIX вв. во многом определялась вполне мирскими обстоятельствами. Важным вкладом мурабитов и суфийских братств в общественную жизнь оставалось развитие торговли и караванных трасс, обеспечение безопасности перевозки, складирования товаров и их купли-продажи на местных рынках. Разбросанные вдоль торговых путей обители и мавзолеи «святых» служили в качестве мест хранения товаров и предоставляли приют купцам и путешественникам, а служители завий и мурабитов исполняли роль коммерческих представителей и проводников, поскольку отлично знали местную природу, наречия и нравы.

Особенно успешно сочетали свои многолетние навыки в коммерции и интеллектуальной коммуникации адепты таких крупных магрибинских турук, как Насирийя, Ваззанийя, Кадирийя, Зийанийя и Шейхийя. Они веками сопровождали караваны и транслировали исламское знание через каменистые перевалы Атласа и Рифа на пески Сахары и страны тропического пояса.

Штаб-квартира Насирийи — завийа Тамгрут — с середины XVII в. была известна на юге Дальнего Магриба как ключевой перекресток торговых путей, проходивших от атлантического побережья через Сахару в Мали, а затем и в страны Тропической Африки¹⁷. Система безопасной проводки караванов по трассе Могадор–Тамгрут–Туат–Томбукту, созданная сторонниками братства, была чрезвычайно надежна, а представителей Насирийи европейские купцы XIX в. считали лучшими тор-

¹⁶ Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе/ Пер. с англ. под ред. и с предисл. О.Ф. Акимовской. М.: София, ИД «Гелиос», 2002. С. 140–141.

¹⁷ Gutelius D.P.V. The Path is Easy and the Benefits Large: the Nasiriyya, Social Networks and Economic Change in Morocco, 1640–1830 // Journal of African History. 2003. Vol. 44. № 2. P. 306.

говыми агентами в Могадоре¹⁸. Только оккупация мавританских и малийских городов французской колониальной армией в XX в. положила предел процветанию традиционной транссахарской торговли.

Суфии, принадлежавшие к Кадирийе, также действовали на караванных путях, которые вели из Среднего и Дальнего Магриба в Тропическую Африку. Однако, в отличие от насиритов, успех шейхов Кадирийи на сахельской арене основывался на их союзе с богатым и влиятельным кланом сахарских мурабитов ал-Кунта. Эта аристократическая по сахарским меркам семья происходила из одноименного арабоговорящего племени, но претендовала на шерифское происхождение через посредство первых самостоятельных исламских правителей Марокко — Идрисидов (VIII–X вв.)¹⁹. Ранние сведения об обителях ал-Кунта относятся к XV в., когда они распространились вдоль караванной трассы Туат–Томбукту, среди берберских кочевников-зенага, а затем и на южных окраинах Сахары²⁰. В XVII–XVIII столетиях суфии-кадириты компенсировали своей торговой и интеллектуальной активностью неблагоприятные для Сахеля последствия завоеваний марокканских султанов-Сааидов в долинах рек Нигер и Сенегал²¹. Вершины своего регионального могущества семья ал-Кунта достигла при прославленном шейхе Кадирийи Сиди ал-Мухтаре ал-Кабире (1729–1811). Он сделал свою завийу и прилегающий к ней оазис ведущим центром культурно-экономической жизни в западной части Сахары. Основу доходов сахарских кадиритов составляла прибыль от перепродажи соли и табака²².

¹⁸ Depont O., *Coppolani X.* Les confréries religieuses musulmanes. Alger: Adolphe Jourdan, 1897. P. 480.

¹⁹ Batran A. The Kunta, Sidi al-Mukhtar al-Kunti and the Office of Shaykh al-Tariqa al-Qadiriyya // *Studies in West African Islamic History. Vol. 1. The Cultivators of Islam.* Ed. by J.R. Willis. L.–Totowa (NJ): Frank Cass, 1979. P. 116–117; *Whitecomb Th.* New Evidence on the Origins of Kunta // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* 1975. Vol. 38. Pt. 1. P. 48.

²⁰ Norris H.T. Znaga Islam during XVII and XVIII Centuries // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* 1969. Vol. 32. Pt. 2. P. 194.

²¹ Так, разгром державы сонгаев сааидским султаном Ахмадом ал-Мансуром (1578–1603 гг.) оказался разрушительным ударом для присахарских обществ. — Куббель Л.Е. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М.: Наука, 1974. С. 372. Это событие в долгосрочной перспективе ослабило военную мощь и легитимность самой династии Сааидов (1511–1659 гг.), поскольку привело к политической дестабилизации в Центральной и Западной Африке, а также к временному упадку транссахарской торговли.

²² Кобищанов Ю.М. История распространения ислама в Африке. М.: Наука, 1987. С. 123–124; Саватеев А.Д. Исламская цивилизация в Тропической Африке. М.: Институт Африки РАН, 2006. С. 111.

К организации торгового обмена в Западной Африке были причастны также обитатели братства Зийанийя, которые в XVIII в. распространили свое влияние на оазисные края алжирского и марокканского юга (Тафилалет, Гуарару, Туат, Оранию, долину р. Дра'а и регион Фигига). Караваны, снаряженные их подопечным племенем бану гилл, добирались от Лалла-Магнийи (современная алжиро-марокканская граница) до городов Мали и приатлантической части Сахары²³. С ними соперничали торговые предприятия племенной группы улад сиди шайх. Эти кочевые племена почитали братство Шайхийя, считая его важным фактором своего самоотождествления. Главная завийя Шайхийи Эль-Абъяд-Сиди-Шейх, расположенная на юге современного Алжира, соседствовала с деревней Абу Самгун, около которой расходились по возвращении из хаджжа караваны паломников, следующие на север Дальнего Магриба (в направлении Феса и Мекнеса) и на юг (в сторону Марракеша, Суса, Тафилалета). Здесь организовывались регулярные сезонные ярмарки (*маусимы*). Безопасному транзиту товаров способствовали и братства Тайбийя (Ваззанийя), Салихийя, Бакка'ийя, Карзанийя, Хабибийя, Шаркавийя.

Действуя в составе отлаженной религиозной организации и сети проверенных торговых связей, суфийские обитатели Магриба в XVI–XIX вв. неизменно выполняли свои задачи в качестве образовательных центров. Это обстоятельство позволило мистическим объединениям сыграть заметную роль во взаимообмене суфийских традиций Марокко и Сахеля. Среди крупнейших и наиболее посещаемых сахельскими слушателями мистических обителей Магриба выделялись завийя Уэззан — главный духовный очаг суфийского братства Тайбийя (Ваззанийя) на севере Марокко, завийя Тамгрут — «столица» тарики Насирийя на юге Марокко и завийя Бужад — центр братства Шаркавийя. Учебные заведения, которые действовали при этих авторитетных сакральных объектах, были способны вести масштабный обмен книгами, навыками и преподавателями не только с завийями своей тарики, но и с другими учебными заведениями. Студенты (*талибы*) из Магриба и африканских стран посещали их столь же часто, как и крупные региональные мусульманские университеты (аз-Зайтуна в Тунисе, ал-Каравийин в Фесе, ал-Кутубийя в Марракеше и др.). Магрибинские обитатели, как правило, располагали сильным, многочисленным и обладавшим широкими научными связями преподавательским составом.

²³ Andrews G.F. Islam and the Confraternities in French North Africa // Geographical Journal. 1916. Vol. 47. № 2. P. 124.

Так, завийу Тамгрут французские колониальные чиновники называли «суфийским университетом», поскольку она в XVIII–XIX вв. располагала превосходной библиотекой. Ее хранилище постоянно пополняли своими дарами посещавшие гробницу основателя братства богословы, правоведы и студенты из Магриба, Египта и стран Тропической Африки. А наставники главной завийи Насирийи в начале XX в. обеспечивали профессиональное преподавание 14 религиозных предметов. Эта программа была сопоставима с кругом наук, изучавшихся в фесской мечети ал-Каравийин в ту же эпоху²⁴. Уэззан и его медресе приютили немало прославленных ученых и преподавателей. Среди них на стыке XVIII и XIX в. выделялся марокканский правовед Мухаммад ар-Рахуни (ум. в 1815 г.), составивший подробные комментарии по частным проблемам мусульманского правоведения. За свои заслуги этот видный алим получил в студенческой среде уважительное прозвище «горный шейх» (*шайх ал-джабал*)²⁵.

Еще одним центром учености и трансляции традиционных знаний служила штаб-квартира алжиро-марокканского суфийского братства Шаркава (Шаркавийя) — завийа Бужад (Абу-л-Джа‘д). Ее наставники Мухаммад ал-Мути‘а аш-Шаркави (1723–1766 гг.) и Мухаммад ал-‘Араби аш-Шаркави (1766–1819 гг.) избрали необычное для суфиев ученое поприще. Они высоко ценились в Магрибе и Сахеле как глубокие знатоки внешних (экзотерических) исламских наук (*‘илм аз-захир*) — тафсира, хадисов и фикха²⁶. Поколение их учеников также было хорошо известно ищущим знания темнокожим мусульманам присахарских территорий. Особенно знаменит в Сахеле был потомок Пророка (*шариф*) и марокканский мистик-шаркавит ал-Хаджж ат-Таги (ум. в 1851 г.). Он в широких масштабах организовал в Бужаде и других обителях братства преподавание коранических наук, а также основ мистического пути. Его таланты привлекали в ряды адептов Шаркавийи не только жителей Феса и Марракеша, но и многочисленных студентов из знаменитых своей уче-

²⁴ Bodin M. La zaouia de Tamgrout // Archives berbères. 1919–1920. Vol. V. P. 283.

²⁵ Ал-Каттани Мухаммад ибн Джа‘фар. Салват ал-анфас ва мухадасат ал-акйас би ман укбира мин ал-‘улама ва-с-сулаха’ би Фас (Утешение душ и беседы, оценивающие тех алимов и праведников, кто упокоился в Фесе). Т. 1. Фес: [литографич. изд.], 1899. С. 104; Ан-Насири Абу-л-Аббас Ахмад ибн Халид. Китаб ал-истикса ли ахбар дуввал ал-Магриб ал-акса (Книга изучения сведений о династиях Дальнего Магриба). Т. 8. Касабланка: Дар ал-китаб, 1956. С. 132.

²⁶ Букари Ахмад. Аз-Завийа аш-шаркавийя: завийат Аби-л-Джа‘д, иш‘а‘уха ад-дини ва-л-‘илми (Обитель братства Шаркавийя: завийа Бужад и ее религиозное и научное воздействие). Касабланка: Ифрикийя аш-Шарк, 1985. С. 112–113.

ностью городов Западной Африки — Томбукту, Гао, Валаты и Шинкита²⁷. Для них было привлекательно еще и то обстоятельство, что шаркавитские завийи Дальнего Магриба постоянно сотрудничали с дружественными обителями братств Насирийа, Тайбийа, Кадирийа, Рахманийа и др., играя тем самым существенную роль в интеллектуальном обмене магрибинских мистиков с центрами восточных традиций тасаввуфа²⁸. От приверженцев Шаркавийи не отставали и кадиритские наставники сахарских племен кунта. В своих проповедях, ученых трактатах и преподавании основ тасаввуфа обители семьи ал-Кунта обращались к мистическому опыту, привнесенному из Хорасана или Мавераннахра, а не к привычным для суфиев-магрибинцев доктринам, сформулированным Абу Абдаллахом Мухаммадом ал-Джазули (XV в.)²⁹.

На протяжении XVI–XIX вв. обмен тонкостями сакральных знаний составлял важную часть непрерывного процесса научно-творческих контактов и взаимовлияний между учеными сообществами стран Магриба и исламизированных регионов Сахары и Сахеля. Знакомство сахельских знатоков ислама с достижениями мистицизма и правоведения в Магрибе стимулировало их научную и литературную деятельность, мотивировало путешествия и преподавательскую карьеру, содействовало эволюции представлений об исламском образовании и религиозном воспитании в окраинных территориях *дар ал-ислам*. Написание, копирование и распространение новых сочинений по мусульманскому праву (*фикху*) и основам мистицизма (*тасаввуф*), их устная и письменная критика, дискуссии и обмен визитами, часто в ходе паломничества в Мекку, а особенно совершение локальных паломничеств (*зийара*) к гробницам мурабитов Магриба — все это создавало необходимую систему ценностей и устремлений для развития духовного производства в культурной среде Сахеля.

²⁷ Villes et tribus du Maroc. Documents et renseignements. Casablanca et les Châouïa. Paris: Ernest Leroux, 1915. Т. 1. Р. 227; Т. 2. Р. 183.

²⁸ Eickelman D.F. Moroccan Islam. Tradition and Society in a Pilgrimage Center. Austin (TX): University of Texas Press, 1976. Р. 39.

²⁹ Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Краткая история / Пер. с англ. СПб.: Диалог, 2004. С. 216, 299.

REFERENCES

1. *Abun-Nasr J.M.* The Tijaniyya: a Sufi Order in the Modern World. Oxford: Oxford University Press, 1965.
2. *Andrews G.F.* Islam and the Confraternities in French North Africa // *Geographical Journal*. 1916. Vol. 47. № 2. P. 115–134.
3. *Al-‘Ayyashi Abu Salim.* Ma’ al-mawa’id. Rihlat al-shaykh Abi Salim al-‘Ayyashi [Water of the Tables (for the Feast). The Voyage of the Shaykh Abi Salim al-‘Ayyashi]. T. 1–2. Fes: [lithogr. ed.], 1898.
4. *Batran A.* The Kunta, Sidi al-Mukhtar al-Kunti and the Office of Shaykh al-Tariqa al-Qadiriyya // *Studies in West African Islamic History*. Vol. 1. The Cultivators of Islam. Ed. by J.R. Willis. London–Totowa (NJ): Frank Cass, 1979. P. 113–140.
5. *Bennison A.K.* Liminal States: Morocco and the Iberian Frontier between the Twelfth and Nineteenth Centuries // *North Africa, Islam and the Mediterranean World: from the Almoravides to the Algerian War*. Ed. by J. Clancy-Smith. London–Portland (OR): Frank Cass, 2001. P. 11–28.
6. *Berque J.* L’interieur du Maghreb, XVe–XIXe siècle. P.: Gallimard, 1978.
7. *Bodin M.* La zaouia de Tamgrout // *Archives berbères*. 1919–1920. Vol. V. P. 279–297.
8. *Bukari Ahmad.* Al-zawiyya al-sharqawiyya: zawiyat Abi al-Ja’d, ish’a’uha al-dini wa al-‘ilmi [The Convent of Sharqawiyya Brotherhood: Zawiyat Abu al-Ja’d, its Religious and Scholarly Impact]. Casablanca: Ifriquyya al-Sharq, 1985.
9. *Cat E.* L’islamisme et les confréries religieuses au Maroc // *Revue de deux mondes*. 1898. Vol. 149. 2-ème livraison. P. 375–404.
10. *Depont O., Coppolani X.* Les confréries religieuses musulmanes. Alger: Adolphe Jourdan, 1897.
11. *Doutté E.* Notes sur l’islam maghrébin: les marabouts // *Revue de l’histoire des religions*. 1899. Vol. 40. P. 343–369; 1900. Vol. 41. P. 22–66, 289–336; 1900. Vol. 42. P. 92–112.
12. *Eickelman D.F.* Moroccan Islam. Tradition and Society in a Pilgrimage Center. Austin (TX): University of Texas Press, 1976.

13. O'Fahey R.S. Enigmatic Saint: Ahmad Ibn Idris and the Idrisi Tradition. Evanston (IL): Northwestern University Press, 1990.
14. Gellner E. Saints of the Atlas. Chicago: University of Chicago Press, 1969.
15. Gutelius D.P.V. The Path is Easy and the Benefits Large: the Nasiriyya, Social Networks and Economic Change in Morocco, 1640–1830 // Journal of African History. 2003. Vol. 44. № 2. P. 298–325.
16. Hiskett M. The Development of Islam in West Africa. L.–N.Y.: Longman, 1984.
17. Al-Kattani Muhammad ibn Ja'far. Salwat al-anfas wa muhadathat al-aqyas bi man uqbira min al-'ulama' wa al-sulaha' bi Fas [Consolation of Souls and Conversations Evaluating those Scholars and the Righteous, who Rested in Fes]. T. 1–3. Fes: [lithogr. ed.], 1899.
18. Kirillina S.A. Osmanskiy Yegipet XVIII v. v sisteme religioznogo znaniya arabo-musul'manskogo mira [The Ottoman Egypt of the XVIII Century in the System of Religious Knowledge of the Arab-Muslim World] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 13: Vostokovedeniye. 1998. № 4. P. 42–61.
19. Knysb A.D. Musul'manskiy mistitsizm. Kratkaya istoriya [Muslim Mysticism. A Brief History]. Transl. from English. Saint-Petersburg: Dilya, 2004.
20. Kobishchanov Yu.M. Istoriya rasprostraneniya islama v Afrike [The History of the Dissemination of Islam in Africa]. Moscow: Nauka, 1987.
21. Kubbel L.Ye. Songayskaya derzhava. Opyt issledovaniya sotsial'no-politicheskogo stroya [The Songhai State. The Experience of Studying its Socio-Political System]. Moscow: Nauka, 1974.
22. Lacroix N., La Martinière H., de. Documents pour servir à l'étude du Nord-Ouest africain. T. 1–4. Alger: Gouvernement général de l'Algérie, Service des affaires indigènes, 1897.
23. Lukonin Yu.V., Podgornova N.P. Istoriya Mavritaniyi v novoye i noveysheye vremya [The History of Mauritania in Modern Times]. Moscow: Nauka. Glavnaya Redaktsiya Vostochnoy Literatury, 1991.
24. Makhluf Muhammad ibn Muhammad. Shadjarat al-nur al-zakiyya fi tabaqat al-malikiyya [The Tree of Mental Light in the Generations of Maliki School]. T. 1–2. Beyrouth: Dar al-thaqafa, 1930–1931.
25. Montet E. Les confréries religieuses de l'islam marocain: leur role religieux, politique et social // Revue de l'histoire des religions. 1902. Vol. 45. P. 1–35.

26. *Montet E.* Le culte des saints musulmans dans l'Afrique du Nord et plus spécialement au Maroc. Genève: Librairie Georg & Cie, 1909.
27. *Mouliéras A.* Le Maroc inconnu. T. 1–2. Oran: Fouqué & Cie, 1895–1899.
28. *Al-Nasiri Abu al-'Abbas Ahmad ibn Khalid.* Kitab al-istiqa li akhbar duwwal al-Maghrib al-Aqsa [The Book of Requesting Information about the Dynasties of the Far Maghreb]. T. 1–9. Casablanca: Dar al-kitab, 1954–1956.
29. *Norris H.T.* Znaga Islam during XVII and XVIII Centuries // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1969. Vol. 32. Pt. 2. P. 154–206.
30. *Orlov V.V.* Moroccan Ulema and Pilgrims in Cairo: An Aspect of Intellectual Exchange in the Arab-Ottoman World of the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // The Arab Lands in the Ottoman Era. Essays in Honor of Prof. C. Farah. Ed. by J. Hathaway. Minneapolis (MN): Center for Early Modern History, 2009. P. 169–186.
31. *Al-Qadiri Muhammad ibn al-Tayyib.* Nashr al-mathani li ahl al-qarn al-hadi 'ashar wa al-thani [Publication of Couplets about People of the XI and XII Centuries (Hijri)]. Publ. by M. Hajji, A. at-Tawfiq. T. 1–4. Rabat: Dar al-Maghrib li al-ta'lif wa al-tarjama wa al-nashr, 1977–1986.
32. *Rinn L.* Marabouts et khouan. Étude sur l'islam en Algérie. Alger: Adolphe Jourdan, 1884.
33. *Savateev A.D.* Musul'manskiye duhovniye ordeny v Tropicheskoy Afrike [Muslim Spiritual Orders in Tropical Africa]. Moscow: XXI vek–Soglasie, 1999.
34. *Savateev A.D.* Islamskaya tsivilizatsiya v Tropicheskoy Afrike [Islamic Civilization in Tropical Africa]. Moscow: Institut Afriki RAN, 2006.
35. *Sarkis Yusuf Ilyas.* Mu'jam al-matbu'at al-'arabiyya wa al-mu'arraba [Dictionary of Arabic and Translated Printed Publications]. T. 1–2. Cairo: Al-matba'a al-'abbasiyya, 1928–1931.
36. *Al-Tazi Abd al-Hadi.* Jami' al-Qarawiyyin. Al-Masjid wa al-jami'a bi madinat Fas [The Cathedral Mosque al-Qarawiyyin. Mosque and University in the City of Fes]. T. 1–3. Beyrouth: Dar al-fikr, 1972.
37. *Trimingham J.S.* Sufiyskiye ordeny v islame [The Sufi Orders in Islam] / Transl. from English. Ed. by O.F. Akimushkin. Moscow: Sophiya; Gelios, 2002.
38. *Villes et tribus du Maroc. Documents et renseignements.* Casablanca et les Châouïa. T. 1–2. Paris: Ernest Leroux, 1915.

39. *Voll J.O.* Two Biographies of Ahmad ibn Idris al-Fasi (1760–1837) // International Journal of African Historical Studies. 1973. Vol. 6. № 4. P. 633–645.
40. *Whitecomb Th.* New Evidence on the Origins of Kunta // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1975. Vol. 38. Pt. 1. P. 36–52.

Ключевые слова:

исламская культура, богословие, интеллектуальный обмен,
традиционное обучение, Магриб, Сахель.

Vladimir V. Orlov

SACRED KNOWLEDGE AND COOPERATION AMONG REGIONAL SCHOLARLY TRADITIONS: INSIGHTS FROM THE MAGHREB AND THE SAHEL (16th–19th CENTURIES)

The article explores the historical retrospective of cultural and intellectual exchanges between North Africa and the Sahel, an Islamized region flanking the Sahara Desert. The study investigates the factors and traits contributing to the predominance of Maghribi intellectual influence in perpetuating religious scholarship in Tropical Africa, particularly considering the yearly pilgrimage of African Muslims to Mecca. It illustrates the historical and cultural underpinnings behind the widespread influence of Maghribi Sufi brotherhoods in the Sahel region. The author investigates the geographical distribution of 'sacred knowledge' in Islamic Africa from the 16th to the 19th century, demonstrating its correlation with the financial and economic activities of major Sufi groups like Tijaniyyah and Qadiriyya, which facilitated local and regional trade and ensured the safety of caravan routes. Significant focus is placed on the multifaceted activities of Sufi monasteries, which acted as rural centers of learning, housed extensive libraries, and employed highly skilled instructors of Islamic spiritual practices. The study delves into the tribal and intellectual ties between the leaders of Sufi brotherhoods and the aristocratic families of the Sahara, who acted as intermediaries for their interests across central and western Africa.

Key Words: Islamic Culture, Theology, Intellectual Exchange, Traditional Education, Maghreb, Sahel.

Vladimir V. Orlov — D.Sc. (History), Professor, Department of Middle and Near East Studies, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University.

Владимир Викторович Орлов

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории
стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ)